

Введение

Дальний Восток — особый регион в истории России имперского и советского периода. Он представляет собой историческую, экономико-географическую, административную, культурную реальность и в то же время является ментальной конструкцией. Границы Дальнего Востока оказываются не четкой линией на карте, а динамическим пространством, а сам край описывается разнообразными, подчас причудливыми терминами («фронтирная зона», «колония России», «форпост империи», «лососевая цивилизация», «Азиатско-Тихоокеанский регион»).

Образ этого региона¹ и в массовом сознании, и в дискурсе популярной туристской словесности сегодня часто конструируется по разным основаниям: природно-географическому (Дальний Восток — «кладезь природных богатств, богатое деликатесами море и самобытный регион России»; пространство, образующее в ландшафтном плане «островной» тип, связывающее в одну речно-морскую коммуникационную группу р. Амур и Уссури, бассейн Охотского моря, имеющее выход в Тихий океан и Японское море); геополитическому и культурному (Дальний Восток — «край земли», поскольку территория отличается большой удаленностью от традиционных мест расположения культурных и исторических ценностей России и важностью внутренних коммуникаций

¹ Образ в данном случае понимается как сообщение, содержащее два коммуникативных слоя: денотативный (прямое сообщение) и коннотативный (непрямое сообщение). Знаковая природа образа означает его принадлежность к сфере визуально-антропологических практик (см.: *Аванесов С.С. Визуальная антропология: образ, субъект, коммуникация // Вестник ТГПУ. 2013. №9 (137). С. 230).*

и связей со странами АТР); историческому (Дальневосточный регион имеет свою самобытную историю и всегда отличался высокой миграционной активностью населения и этническим разнообразием). В культурном пространстве России жители Дальнего Востока идентифицируют себя как отдельное региональное сообщество, что закрепилось и в самоназваниях — «дальневосточники», «жители Приморья», «сахалинцы», «камчадалы».

Освоение Сибирского и Дальневосточного регионов в Российской империи — процесс, по своим масштабам никак не меньший, чем освоение Дикого Запада в американской культуре². Расширение Российской империи на восток было длительным процессом интеграции новых территорий и народов в общеимперское пространство³. Активное освоение Дальневосточного региона происходило на протяжении конца XIX — первой половины XX в., когда шел интенсивный поиск путей развития Дальнего Востока, велико было стремление раскрыть потенциальные возможности этого региона, опираясь на научно обоснованное, комплексное его изучение (географическое, демографическое, статистическое). Именно в этот период были открыты судоходности устья Амура, осуществлено административное оформление левобережья Амура как российской территории по Айгуньскому и Пекинскому договорам, основаны крупные города Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск), произошло усиление военного контингента и увеличился приток ссыльных политических поселенцев, часто образованных и активных представителей своих культур, интересующихся жизнью коренных народов Дальнего Востока. Огромную роль в процессе освоения Дальнего Востока сыграли также строительство Транссиба и развитие собственного дальневосточного флота (морского и речного). На основе собранных в научных экспедициях материалов разрабатывались программы для администрации края по управлению и улучшению жизни коренного населения.

² Головнев А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.

³ Ремнев А. В. Россия на Дальнем Востоке. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2004; *Он же*. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.

Как известно, значимый вклад в исследование дальневосточной территории в имперский и советский период исторически был сделан профессиональными исследователями и путешественниками. В условиях широких возможностей для применения усилий на Дальнем Востоке, при общей нехватке людей в различных областях, их деятельность отличалась высокой деловой активностью, а в их трудах присутствует не только подробное научное описание региона и народов, его населяющих, но и визуальные материалы (рисунки, фотографии, чертежи, кинодокументы), которые обеспечивали достоверность и надежность текстовой информации. Изображения и словесные описания дальневосточной территории в творчестве исследователей оказывались тесно переплетены между собой. С одной стороны, создаваемые исследователями визуальные образы региона⁴ содержательно обогащали научные отчеты, с другой стороны, эти образы, в силу самой природы изображения, формировали многомерное (нелинейное) восприятие Дальнего Востока.

Не случайно амбициозные по замыслу и во многих случаях беспрецедентные по своему осуществлению экспедиции путешественников и ученых привели к созданию комплексных визуальных архивов⁵, касающихся изучения народов, проживающих на данной территории (айнов, ительменов, коряков, нанайцев, нивхов, удэгейцев, ульчей, эвенков). В частности, за более чем тридцатилетний период деятельности дальневосточных научных сообществ (с середины 1880-х до 1917 г.) было дано научное описание более 30 народностей Дальнего Востока, сопровождавшееся визуальными документами. Визуализация этнических групп с помощью новых технологий (фото, кино) «вытеснила» прежние приемы: отпала, например, необходимость лепить с натуры скульптурные портреты представителей различных народов. Путешественники, первопроходцы и участники колониальных экспедиций фотографировали,

⁴ *Замятин Д.Н.* Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 12–40.

⁵ Под визуальным архивом понимается совокупность визуальных презентаций социокультурных сообществ.

и из собранных таким образом снимков, а также фотоснимков, предоставившихся профессиональными фотографами, формировались объемистые альбомы, каков, например, замечательный альбом Джона Томсона “Китай и китайцы”, который вышел в 1866 г.»⁶. Данные визуальные материалы повлияли на создание комплексного языка описания регионального и этнического своеобразия Приамурья и Приморья, Сахалина и Камчатки, сконструировали их образы в общественном сознании.

Часть визуально-антропологических материалов по Дальнему Востоку, созданных и собранных исследователями и путешественниками конца XIX — первой половины XX в., хранится в центральных архивах в России и за рубежом, часть — рассредоточена по архивам российских региональных организаций и отличается разрозненностью и частым отсутствием атрибуции, еще часть — содержится в частных архивах (например, у потомков ученых и путешественников) и нуждается в открытии и систематизации. Эти архивные материалы, безусловно, представляют собой особую ценность в качестве новых исторических источников для монографического обобщения.

Особо стоит отметить, что большинство визуальных материалов и коллекций о Дальнем Востоке конца XIX — первой половины XX в. до сих пор не изучены с точки зрения их репрезентационного потенциала для понимания специфики региона. В отечественных научных исследованиях данные материалы еще не были рассмотрены в контексте применения к ним междисциплинарных методов изучения, не анализировались с точки зрения визуальной антропологии, культурологии и философии культуры. В частности, практически не разрабатывается проблема вербального эквивалента визуальному языку в описании дальневосточного фронта, не осмыслены рефлексивные свойства документальной и художественной съемки Дальнего Востока. Между тем очевидно, что в формировании дискурса об образе Дальнего Востока на современном этапе должны участвовать представители различных дисциплин и разных

⁶ *Бажак К.* История фотографии. Возникновение изображения / пер. с франц. А. Кавтаскина. М.: Астрель, 2006. С. 82.

региональных научных школ, ориентирующихся на целостное изучение истории и культуры Дальнего Востока.

Эта ситуация актуализирует необходимость анализа и систематизации имеющихся визуальных материалов, касающихся изучения Дальнего Востока, введения в научный оборот значительного корпуса визуально-антропологических документов, связанных с историей края и коренных народов, его населяющих, поиска нового методологического инструментария их осмысления, корреляции между собой теоретических и прикладных исследований в этой области. Особого внимания заслуживает также проблема ревитализации забытых имен исследователей в «символическом освоении» Дальнего Востока.

Предлагаемая вашему вниманию работа направлена на осмысление практик в российской визуальной антропологии конца XIX — первой половины XX в., связанных с изучением Дальнего Востока, в первую очередь — Приамурья и Приморья, Сахалина и Камчатки. Являясь исторически наиболее активными территориями визуально-антропологического изучения на Дальнем Востоке, эти регионы стали также основными местами проведения архивных и полевых исследований авторов данного труда. Познание образов фронта через визуальные источники, собранные в ходе экспедиций на Дальний Восток, изучение научных и литературных текстов конкретных ученых и путешественников стали важным этапом исследовательской деятельности авторов. Это изучение сопровождалось опытом собственных, личных открытий Дальневосточного края, который, по образному выражению, «не отпускает» от себя тех, кто его посетил, оно подарило радость работы с архивами первопроходцев Дальнего Востока, побудило к созданию собственных визуальных образов дальневосточного фронта⁷, способствовало уточнению авторских теоретических позиций по поводу возможностей конструирования пространственных образов при помощи визуальных средств.

⁷ Автором монографии И.А. Головневым были сняты документальные фильмы о Дальнем Востоке: «Страна Удэхе» (2015), «Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева» (2018), «Оленный всадник» (2019).

Интерес к изучаемому периоду в истории Дальнего Востока и выбор хронологических рамок исследования были обусловлены тем, что рубеж веков и начало XX ст. представляет собой определенную фазу «визуального поворота» в научных исследованиях, связанную с развитием технологии визуальной фиксации культуры. Объекты культуры с помощью фотографии и кинематографа технически репродуцируются, многократно увеличиваются их экспозиционные возможности⁸. Со второй половины XIX в. фотография стала восприниматься как «свидетельство и доказательство», а «фотокамера начала осознаваться как “глаз истории”... Причем глаз, бесспорно, достоверный...»⁹. Визуальный поворот означает не простое увеличение визуальной продукции, визуальных репрезентаций, а меняющийся автоматизм восприятия реальности.

Многие исследователи того времени, действительно, были увлечены новой техникой как эффективным средством трансляции культуры — фотографией и кино, которые достигли зрелости в 1920–1930-е гг. Выбор для изучения визуально-антропологического наследия конкретных персон для авторов монографии был продиктован желанием ввести в научный оборот малоизвестные широкому кругу читателей страницы их творчества, благодаря которому Дальний Восток предстает как самобытный регион в истории имперской и советской России.

В работе обобщаются конкретные исторические теории и практики: опыты фиксации и популяризации визуально-антропологических материалов, созданные непосредственно профессиональными исследователями, совместно учеными и кинематографистами/фотографами, а также примеры создания образов дальневосточной территории без прямого участия научных консультантов. В частности, рассматривается репертуар визуальных образов Приморья в творчестве исследователя и писателя В.К. Арсеньева, доктора Н.В. Кирилова, режиссера А.А. Литвинова, этнографа И.А. Лопатина; представлены

⁸ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. С. 28.

⁹ Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006. С. 73.

визуальные материалы о Камчатке и ее жителях, собранные этнографом Е. П. Орловой, кинематографистом А. А. Литвиновым, краеведом П. Т. Новограбленовым и антропологом Б. Дыбовским; проанализированы репрезентации Сахалина в творчестве писателя А. П. Чехова и фотографов И. И. Павловского и И. Н. Краснова, геолога-краеведа П. П. Полевого и этнографа Б. О. Пилсудского.

В целях изучения научного и визуального наследия этих ученых авторами монографии в течение ряда лет была проведена работа по теме проекта в фондах следующих архивных и музейных организаций: Общество изучения Амурского края, Приморский объединенный музей им. В. К. Арсеньева, Государственный архив Приморского края (г. Владивосток), Краеведческий музей г. Арсеньева и Уссурийска Приморского края; Хабаровский краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, Государственный архив Хабаровского края (г. Хабаровск); Камчатский краеведческий музей, Государственный архив Камчатского края (Петропавловск-Камчатский), Быстринский этнографический музей (с. Эссо Камчатского края); Сахалинский краеведческий музей и Государственный архив Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск), Историко-литературный музей «А. П. Чехов и Сахалин» (г. Александровск-Сахалинский); Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН (г. Санкт-Петербург); Российский государственный архив кино-фотодокументов (г. Красногорск Московской обл.); Российский государственный архив литературы и искусства, Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва).

В качестве методологической основы при изучении формирования образа Дальнего Востока в творчестве исследователей конца XIX — первой половины XX в. используется конструктивистский подход. В теоретических исследованиях, посвященных пространственным образам, термин «конструирование» используется сегодня в основном только в одном значении — как целенаправленное построение образов территории в политической практике¹⁰.

¹⁰ Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

В данной работе понятие «конструирование» предложено рассмотреть в его базовом значении — как процесс создания (при помощи специальных средств) сложной структуры объекта (образ региона)¹¹. Согласно конструктивистскому подходу, отображаемая реальность «осознается скорее как *один* из миров, а не как *Мир*»¹². Визуальный образ региона, с одной стороны, формирует его реальность, с другой — одновременно является важным источником и ресурсом социального познания. Репрезентация объекта не является его отражением, это, скорее, активный процесс отбора и представления, структурирования и формирования, это процесс наделения чего-либо смыслом¹³. В рамках этого подхода основное внимание уделяется также роли самой фигуры исследователя/путешественника как актору конструирования образа региона, установлению параметров и приемов такого конструирования, а также выделению компонентов формирования образа Дальнего Востока и выяснению средств его поддержания и трансляции на внутреннюю и внешнюю аудиторию. Обзор разнообразных визуально-антропологических материалов ученых, фотографов, кинематографистов, которые профессионально занимались изучением края, на наш взгляд, позволяет включить в изучение их творчества новые сюжеты, как в плане понимания динамики образа Дальнего Востока, так и в плане изучения образа Дальневосточного края как культурного конструкта.

¹¹ О применении конструктивистского подхода к конструированию образов территорий см.: *Головнева Е. В.* Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона): дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://omgru.ru/sites/default/files/files/dis/6730/dissertaciya_dfn_golovnevaev.pdf; *Мармушина Н. И.* Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 19–23.

¹² *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Академия-Центр: Медиум, 1995. С. 278; *Джерджен К. Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / пер. с англ. А. М. Корбута. Минск: БГУ, 2003.

¹³ *Hall S.* The Work of Representation // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. The Open University: Milton Keynes, 1997. P. 13–74.

Представляется, что в настоящее время именно визуальные архивы по изучению Дальнего Востока являются репрезентативной эмпирической базой для теоретического изучения конструирования его образа, выявления механизмов его продуцирования и распространения, понимания образа Дальневосточного края как сложного и комплексного явления. К примеру, существующий на данный момент опыт исследования архивных фотографий, репрезентирующих образы фронтальных территорий Российской империи в конце XIX — начале XX в., до сих пор содержит лакуны как в охвате материала, так и в его систематизации и осмыслении. Тем более недостаточное внимание уделяется хранящимся в музеях фотографическим снимкам, которые были созданы конкретными профессиональными исследователями и которые длительное время попросту не входили в область изучения историков, культурологов, искусствоведов по причине отсутствия разработанных подходов к научному анализу подобных материалов. Лишь в последние десятилетия, благодаря институционализации исследования фотографии в отечественной науке и переходу в изучении визуальных источников от искусствоведческой парадигмы к парадигме исследований культуры, стало возможным изучение феномена архивных фотографических снимков с новых точек зрения. В центре внимания исследователей, в частности, оказываются различные формы бытования фотографий (антропологическая, любительская, семейная, судебная и др.), их пропагандистский и эстетический потенциал¹⁴, материальная составляющая¹⁵, специфика фотодокумента в эпоху цифровых технологий¹⁶ и т. д. Визуальные документы как продукт культурного конструирования подлежат деконструкции, интерпретации или просто «чтению» в той мере,

¹⁴ Петровская Е. В. Антифотография. М.: Три квадрата, 2003; Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013.

¹⁵ Круткин В. Л. Антропологические основания фотографического опыта // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия, психология, педагогика. 2005. № 2. С. 119–130.

¹⁶ Сосна Н. Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Ин-т философии РАН, НЛО, 2011.

в какой этой процедуре поддается любой вербальный текст. Как отмечает Вилем Флюссер, цель текстов — объяснять образы, которые делают постижимыми понятия, представления; тексты — это метакоды образов¹⁷.

В теоретическом плане предлагаемая работа также способствует уточнению и теоретическому обоснованию понятий культурной географии («образ региона», «культурный ландшафт») и терминов из поля визуальной антропологии («визуальная репрезентация региона», «визуальный архив», «этнографическая фотография», «этнографический рисунок», «этнографическое кино», «культурфильм»), обращается к изучению таких комплексных историко-культурных проблем, как процессы становления образов территорий и формирования языков их описания.

Для анализа конструирования образа Дальнего Востока значимым было обращение к тем работам, в которых представлена теория конструирования пространственных образов и связь субъекта с пространством (Б. Андерсон¹⁸, Т. Ингольд¹⁹, Е. В. Головнева²⁰, Д. Н. Замятин²¹, В. Л. Каганский²², Д. Косгроув²³, А. Лефевр²⁴,

¹⁷ Флюссер В. За философию фотографии / пер. с нем. Г. Р. Хайдаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 7.

¹⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹⁹ Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London: Routledge, 2000.

²⁰ Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона): дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://omgpu.ru/sites/default/files/files/dis/6730/dissertaciya_dfn_golovnevaev.pdf.

²¹ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

²² Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

²³ Cosgrove D. Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World. London: I. B. Tauris, 2008.

²⁴ Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 27–29.

В. К. Малькова и В. А. Тишков²⁵, Д. Мэсси²⁶, Л. Роунтри и М. Конки²⁷, Ю.-Ф. Туан²⁸ и др.). Отдельные аспекты проблемы использования визуальных материалов в исследовательской практике ученых (с различных точек зрения) авторами рассматривались с опорой на труды М. Алварано²⁹, Р. Барта³⁰, В. Беньямина³¹, В. Берджина³², П. Бурдьё³³, М. Бэнкс³⁴, Е. А. Вишленковой³⁵, А. В. Головнева³⁶, Г. Г. Громова³⁷, С. М. Дудина³⁸, С. Зонтаг³⁹, Дж. Коллиера⁴⁰,

²⁵ Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов, мест. М.: ИЭА, 2009. Кн. 1. Образы российских республик в Интернете.

²⁶ Massey D. Travelling thoughts // P. Gilroy, L. Grossberg and A. McRobbie (eds.). Without Guarantees: In Honour of Stuart Hall. London: Verso, 2000. P. 225–232.

²⁷ Rowntree L. B., Conkey M. W. Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70 (4). P. 459–474.

²⁸ Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Human Geography. An Essential Anthology / J. Agnew, D. N. Livingstone, A. Rogers (eds.). Oxford: Blackwell, 1996. P. 444–457.

²⁹ Alvarado M., Buscombe E., Collins R. Representation and Photography: A Screen Education Reader- Palgrave, 2001.

³⁰ Барт П. Camera lucida. Комментарии к фотографии. М., 1997; *Он же*. Фотографическое сообщение // Барт П. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.

³¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996.

³² Burgin V. Thinking Photography. Basingstoke: Macmillan, 1982

³³ Bourdieu P. Photography: A Middle-brow Art. Stanford, 1990.

³⁴ Banks M. Visual Methods in Social Research. London: Sage, 2001.

³⁵ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011.

³⁶ Головнев А. В. Визуализация этничности: музейные проекции // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 72–81; Головнев А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.

³⁷ Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966.

³⁸ Дудин С. М. Фотография в научных поездках // Краеведение. М.; Пг, 1923. № 1–2, *Он же*. Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2.

³⁹ Sontag S. On photography. New-York, 1977.

⁴⁰ Collier J. Visual Anthropology: Photography as a research method. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1986.

В.М. Магидова⁴¹, Е.А. Резвана⁴², Дж. Тэгг⁴³, Дж. Шерер⁴⁴, а также на коллективные труды по визуальной антропологии⁴⁵.

Вопросы создания фото- и киноматериалов, собранных в ходе экспедиций, рассматривались на основе обращения к трудам В.А. Ерофеева⁴⁶, А.А. Литвинова⁴⁷, С.А. Морозова⁴⁸, А.Н. Терского⁴⁹, В.А. Шнейдерова⁵⁰. Современным «поколением» материалов, освещающих смежную с данной темой информацию, являются

⁴¹ *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

⁴² *Rezvan E.* St. Petersburg Kunstkamera On-line Catalogues. I. "The Ethnographic Drawing" // *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research.* 2014. Vol. 20. № 1. P. 68–72; *Idem.* St. Petersburg Kunstkamera On-line Catalogues. II. "The Photo Collection: Peoples of Russia" // *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research.* 2014. Vol. 20. № 2. P. 57–67.

⁴³ *Tagg J.* The Burden of Representation: Essays of Photographies and Histories. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1988.

⁴⁴ *Scherer J.C.* Historical Photographs as Anthropological Documents: a Retrospective // *Visual Anthropology.* 1990. Vol. 3 No. 2–3. P. 131–155.

⁴⁵ Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Сборник научных статей / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007; Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант», ЦСПГИ, 2009; Визуальная антропология: режимы видения при социализме / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: «Вариант», ЦСПГИ, 2009; Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант», 2009.

⁴⁶ *Ерофеев В.А.* «По "Крыше мира" с киноаппаратом». М.: Молодая гвардия, 1929.

⁴⁷ *Литвинов А.А.* В Уссурийской тайге. Записки кинорежиссера // *Уральский современник.* № 1 (29). Свердловск, 1955; *Он же.* По следам Арсеньева. Владивосток, 1959; *Он же.* В краю огнедышащих гор. Свердловск, 1963; *Он же.* Путешествия с кинокамерой. М., 1982; *Литвинов А.А., Поляновский М.Л.* Скачок через столетия. Дневник Камчатской киноэкспедиции. М., 1931.

⁴⁸ *Морозов С.* Фотографы-путешественники. М., 1953.

⁴⁹ *Терской А.Н.* Этнографическая фильма. М.: Теакинопечатъ, 1930.

⁵⁰ *Шнейдеров В.А.* Советский экран и народы Севера // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1971; *Он же.* Мои кинопутешествия. М., 1973.

статьи киноведов А. С. Дерябина⁵¹, О. Э. Саркисовой⁵², Х. Й. Шлегеля⁵³ по истории советских культурфильмов, историков Д. В. Арзютова⁵⁴, И. А. Головнева⁵⁵, Е. Б. Толмачевой⁵⁶, а также исследователей В. М. Магидова и Е. В. Александрова по истории отечественной визуальной антропологии⁵⁷. Вопросы классификации и каталогизации архивных материалов (включая визуально-антропологические) затрагивались в работах источниковедческой тематики⁵⁸. Следует особо отметить современные работы, в которых даны описание и анализ визуальных источников, способствующих пониманию конструирования образа Дальневосточного региона (Д. А. Анча⁵⁹

⁵¹ *Дерябин А. С.* О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове // Вестник «Зеленое спасение». Вып. 11. Алматы: Гермес, 1999. С. 14–24.

⁵² *Sarkisova O.* Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia. London, NY, 2017.

⁵³ *Шлегель Х. Й.* Немецкие импульсы для советских культурфильмов 20-х годов // Киноведческие записки. № 58. М., 2002. С. 368–380.

⁵⁴ *Арзютов Д. В.* Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 187–219.

⁵⁵ *Головнев И. А.* Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). М.: ИАЭ РАН, 2018.

⁵⁶ *Толмачева Е. Б.* Портретно-антропологическая фотография: к истории развития методов съемки и формирования коллекции // Фотография. Изображение. Документ. 2014. № 5 (5). С. 12–18; *Tolmacheva E.* Early Field Photography and Visual Documents of Northern Indigenous Culture. Ivan Poliakov's Collection, 1876 // Sibirica. 2017. Vol. 16. № 1. P. 6–30.

⁵⁷ *Александров Е. В.* Предыстория визуальной антропологии: первая половина XX в. // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 128–140; *Магидов В. М.* Кинодокументы по визуальной антропологии России // Материальная база сферы культуры. Вып. 2. М.: Изд-во РГБ, 1998.

⁵⁸ *Магидов В. М.* Источниковая база визуальной антропологии: проблема изучения и использования // Материальная база сферы культуры. Вып. 4. М.: Изд. РГБ, 1999; *Голиков А. Г.* Архивоведение отечественной истории. М., 2005; Источниковедение новейшей истории России: Теория. Методология. Практика / под ред. А. К. Соколова. М., 2004; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; изд. 2-е. М., 2003; и др.

⁵⁹ Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920 / авт.-сост. Д. А. Анча, В. И. Калинин, Т. З. Позняк. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП», 2009.

и др., С. В. Березницкий⁶⁰, Н. Крылова⁶¹, Т. Е. Ломова⁶², Э. Д. Орлов и др.⁶³, Л. Б. Степанова⁶⁴).

В западной историографии можно выделить работы теоретиков и практиков визуальной антропологии⁶⁵, посвященные прежде всего обобщению современного опыта производства визуально-антропологических материалов на Западе. Вопросы каталогизации материалов по визуальной антропологии (этнографии) косвенно затрагивались в западных исследовательских изданиях⁶⁶. Однако

⁶⁰ *Березницкий С. В.* Фотоколлекция Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. 2018. №9 (1). С. 111–119.

⁶¹ *Крылова Н.* Нерчинская каторга: этнографический взгляд на Российскую империю в фотографиях «видов и типов» последней четверти XIX века // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 285–311.

⁶² *Ломова Т. Е.* Модус восприятия города в любительских фотографиях Владивостока (на примере собраний фотографий М. Хаскелла и Э. Прей) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 58–69.

⁶³ Антон Чехов. «Сахалинская» коллекция. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог / авт.-сост. Э. Д. Орлов, Т. Н. Шипова. М.: Литературный музей, 2018.

⁶⁴ *Степанова Л. Б.* Экспедиционный фотоархив И. С. Гурвича: гуманитарный проект советской визуальной антропологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 96–105.

⁶⁵ *Bateson G., Mead M.* Balinese Character: A Photographic Analysis. New York Academy of Sciences. New York, 1942; *Grimshaw A.* The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Anthropology. Cambridge University Press, 2001; *Garnder R.* The Impulse to Preserve: Reflections of a Filmmaker. New York: Other Press, 2006; *Harper D.* The Visual Ethnographic Narrative // Visual Anthropology. 1987. Vol. 1 No. 1. P. 1–9; *Heider K.* Ethnographic film. University of Texas Press, 2006; *MacDougall D.* The Corporeal Image: Film, Ethnography and the Senses. Princeton University Press, 2006; *Rony F. T.* The Third Eye: Race, Cinema, and Ethnographic Spectacle. Durham: Duke University Press, 1996; *Rouch J.* Cine-ethnography. University of Minnesota Press, 2003; *Ruby J.* Picturing Culture: Exploration of the Film and Anthropology. University of Chicago Press, 2000; *Mead M., Metraux R.* (eds.). The Study of Culture at a Distance. Institute for Intercultural Studies, 2000; *Crawford P., Turlton D.* Film as Ethnography. Manchester: Manchester University Press, 1992.

⁶⁶ Anthropology, Narrative, and New Media / edited by Natalie M. Underberg and Elayne Zorn. University of Texas Press, USA, 2013; Digital Anthropology /

полноценные аналитические исследования темы методов и опытов визуально-антропологических исследований и вопросов описания этнокультурного ландшафта Дальнего Востока посредством визуальных архивов не проводились ни в России, ни за рубежом, что обусловило актуальность обстоятельных теоретических и эмпирических изысканий по данной тематике в междисциплинарном ключе и введение результатов данных исследований в научный оборот⁶⁷.

Рассматриваемые в книге темы явились результатом работы авторов по грантам РФФИ 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов» и 18-09-00076 «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино».

Авторы выражают признательность за помощь в подготовке материалов данного издания сотрудникам Архива Общества изучения Амурского края (г. Владивосток) и лично его председателю А. М. Буякову, сотрудникам Камчатского краевого объединенного музея (г. Петропавловск-Камчатский) и лично — С. В. Графской, сотрудникам Быстринского районного этнографического музея (с. Эссо) и лично — А. И. Сучкову, сотрудникам Сахалинского областного краеведческого музея (г. Южно-Сахалинск) и лично — А. Ю. Левковской и М. М. Прокофьеву, сотрудникам Историко-литературного музея «Чехов и Сахалин» и лично — О. В. Фроловой.

edited by Heather Horst and Daniel Miller. London, UK, 2012; *Bountouri L. Archives in the Digital Age*. UK, Chandos Publishing, 2016; *Anderson D., Campbell C. Picturing Central Siberia: The Digitization and Analysis of Early Twentieth-Century Central Siberian Photographic collections // Sibirica. Vol. 8 (2). Summer 2009. P. 1–42; Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca; NY: Cornell Univ. Press, 1994; и др.*

⁶⁷ Данная монография содержит в себе статьи авторов, материалы которых были апробированы в различных российских научных журналах («Сибирские исторические исследования», «Уральский исторический вестник», «Праксема. Проблемы визуальной семиотики», «Вестник Томского государственного университета». Сер. «История», *Questio Rossica*, «Гуманитарные науки в Сибири»).

Введение

В заключение выразим надежду, что материалы, представленные в данном издании, в определенной мере заполняют лакуны в визуальной антропологии конца XIX — первой половины XX в. применительно к изучению российских регионов в имперский и советский период. Смыслы, сформулированные исследователями, фотографами, кинематографистами, представленные в данной монографии, относительно функционирования и развития Дальнего Востока и сегодня могут служить основой для формирования образа этого края в российской культуре, в том числе для определения и реализации государственной политики развития региона.

Приамурье и Приморье

ОБРАЗЫ ПРИМОРЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. К. АРСЕНЬЕВА

Дальний Восток по территории больше Европы, а много ли знают у нас о нем? Возьмите карту, закройте глаза, ткните пальцем: куда ни попадете — всюду интересно. Амур, Уссури, Сахалин, Советская гавань, Камчатка, Приморье — всюду залежи материала...

В. К. Арсеньев

В данной главе предлагается обратиться к творчеству писателя и путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930) с целью выявления в его трудах репрезентационного потенциала образа региона. В противовес официально господствовавшему в первой трети XX в. дискурсу завоевания и идеологического освоения пограничных территорий, В. К. Арсеньев акцентировал внимание на природной и этнокультурной исключительности края. Подход Арсеньева включал в себя как тщательное наблюдение за Дальневосточным регионом и его детальное научное описание, так и создание ярких нарративов художественного плана. В прессе конца 1920-х гг. относительно творчества В. К. Арсеньева отмечалось, что «недоступный для широких масс и лишь в ничтожных количествах доступный для ученых кругов материал, требовавший огромных трудов и значительных затрат для его поиска, отбора, приобретения... весь этот материал дается в живой связи друг с другом, со своей средой, со всей подлинной, самобытной, интересной и мало кому ведомой до сих пор жизнью»¹.

¹ АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 18.

Биография В. К. Арсеньева — литературна и кинематографична. В ней сходятся географические пределы (столичный Петербург и дальневосточная окраина) и исторические эпохи (Российская империя и Советский Союз), военные походы и географические открытия, научные исследования и литературное творчество.

Родившийся и выросший в Санкт-Петербурге в семье железнодорожного служащего, В. К. Арсеньев, под влиянием своего преподавателя М. Е. Грумм-Гржимайло, увлекается географией. После окончания юнкерского училища и прохождения военной практики по личному рапорту он распределяется во Владивосток — в то время небольшое пограничное портовое поселение, где около десятка тихих улиц с приземистыми деревянными строениями граничили с морем и тайгой.

В. К. Арсеньев, кадровый офицер, последовательно соединяет службу с исследованиями: ведет топографическую съемку, делает замеры высот, подсчитывает расстояния между отдельными пунктами, составляя первые карты прежде неисследованных дальневосточных территорий. Он собирает сведения по археологии, этнографии и экономике края; изучает метеорологию и астрономию, флору и фауну уникально разнородного в природном плане региона. Материалы комплексных исследований «неведанной земли», облаченные В. К. Арсеньевым в форму полевых дневников, активно издаются в России и за рубежом². Дальний Восток буквально открывается и «оживает» в его книгах («По Уссурийскому Краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихоте-Алиня», «Сквозь тайгу» и др.).

Вклад В. К. Арсеньева в культуру России — уникален и многогранен. Основной объем материалов о творчестве Арсеньева хранится в архивах Русского географического общества: в его родном Санкт-Петербурге и во Владивостоке — на второй родине писателя. С одной стороны, имя Арсеньева стоит в одном ряду с именами великих путешественников-первопроходцев — Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, П. П. Семенова-Тянь-Шанского и др. С другой стороны, его повести и романы входят в классическое

² См.: *Хисамутдинов А. А.* Личная библиотека В. К. Арсеньева // Библиотекосведение. 2016. № 65 (3). С. 308–313.

литературное наследие. Личность В. К. Арсеньева и его творчество были высоко оценены коллегами по писательскому цеху: М. Горьким и А. Платоновым, С. Маршаком и В. Шкловским, А. Фадеевым и К. Симоновым. Михаил Пришвин, буквально влюбившийся благодаря текстам Арсеньева в Дальний Восток, называл его талант «реликтовым». По его словам, «Арсеньев обладал подсознательным чувством природной красоты, и его писательство — как процесс и духовный акт — предельно обнажено»³.

Биографы В. К. Арсеньева свидетельствуют о том, что встречи с первозданной природой и «первобытными» культурами Дальнего Востока буквально перевернули мировоззрение путешественника⁴. То, что не вмещалось в скупых научных отчетах, писатель выражал на страницах своих литературных произведений. Следуя методу В. П. Семенова-Тян-Шанского, который подчеркивал близость географического письма и художественной прозы⁵, литературные произведения В. К. Арсеньева оказываются особенно близки к чисто научному географическому описанию.

Вся жизнь В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке была своего рода экспедицией, длившейся непрерывно в течение тридцати лет, несмотря на смену политического строя в стране. Приморье, бассейн Амура, горный хребет Сихотэ-Алиня, Камчатка, Чукотка, Командорские острова и др. территории Дальнего Востока им пройдены вдоль и поперек. Арсеньев не *сочинял* свои книги — он их *проживал*. По его словам, «как в грандиозном кинематографе сменяются картины одни другими: охота, инородцы, приключения, новости и открытия... Все это вознаграждает путешественника за те лишения, трудности и опасности, которым он неизбежно должен подвергнуться во время пути в стране дикой и малоизведанной»⁶.

³ Цит. по: Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток, 2012. С. 102.

⁴ См.: Аристов Ф. Ф. В. К. Арсеньев (Уссурийский) // Дальний Восток. 1974. № 9. С. 132; Аргудяева Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток, 2007.

⁵ Семенов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л., 1928. С. 267.

⁶ Арсеньев В. К. Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток, 2007. Т. 1. С. 55.

Творчество В. К. Арсеньева, помимо прочего, было тесно связано с кинематографом. Писатель мечтал популяризировать природные и культурные богатства Дальневосточного края средствами кино. Еще в дореволюционное время В. К. Арсеньев выступал консультантом группы фабрики «Ханжонков и Ко» по созданию фильма о природе Приморья. В 1920-х гг. Арсеньев тесно сотрудничал с режиссером Александром Литвиновым — был автором сценария и редактором серии классических документальных фильмов о коренных жителях Дальнего Востока, самым известным из которых является «Лесные люди» (в нем снят и сам В. К. Арсеньев). Как отмечал впоследствии А. Литвинов: «Его (Арсеньева) не было с нами, но каждый наш шаг вглубь тайги прокладывался его именем. Трудно представить себе, как велико его обаяние для туземцев. Узнав, что мы — друзья В. К. Арсеньева, они всячески нам помогали и участвовали в съемках»⁷. Фильмы эти имели колоссальный зрительский успех, открывали зрителю новые для восприятия отдаленные территории огромной страны.

Литературные тексты В. К. Арсеньева не случайно вызывали интерес кинематографистов и неоднократно экранизировались. В арсеньевских архивах (в Приморском отделении Русского географического общества) осталось множество «кадров» его будущих романов; есть в них и особая папка с изображениями Дерсу Узала.

Путешествия с проводником-охотником Дерсу Узала являются одними из самых ярких эпизодов арсеньевских экспедиций, оформленных в дальнейшем в литературное произведение. Роман «Дерсу Узала» неоднократно экранизировался:

— в 1961 г. был создан игровой кинофильм Агасия Бабаяна «Дерсу Узала» по мотивам произведений Владимира Арсеньева («Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю» и др.);

— в 1975 г. «Мосфильм» выпустил кинокартину «Дерсу Узала» в постановке классика мирового кино Акиры Куросавы, получившую множество наград, среди которых Главный приз Московского кинофестиваля и приз американской киноакадемии «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке.

⁷ АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Ф. 14. Л. 142.

«Я очень уважаю В. К. Арсеньева как художника. Как и другие творцы русской литературы, он обладает способностью глубоко проникать в человеческие души»⁸, — вспоминал кинорежиссер Акира Куросава. «Дерсу — это дружба, чистота помыслов и действий, доброжелательность, гармония и любовь к окружающим людям и природе»⁹, — эмоционально отзывался о своем персонаже исполнитель роли Дерсу Узала, актер Максим Мунзук. По словам Юрия Соломина, воплотившего экранный образ Арсеньева, «Дерсу действительно научил одной простой истине: природа — это не стихия, это — дом, в котором нужно научиться жить»¹⁰. Как вспоминал В. К. Арсеньев: «Словно в кинематографе, передо мною вставляли картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, пурга на озере Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Сахнобе, наводнение на Билимбе, голодовка на Кулумбе...»¹¹

В. К. Арсеньев познакомился с гольдом Дэрчу из рода Очжал (прототип Дерсу Узала) во время своей очередной экспедиции по р. Амуру. В течение нескольких лет опытный следопыт был верным спутником и проводником писателя в его исследовательских экспедициях по дебрям Уссурийской тайги. Их отношения превратились в настоящую дружбу. Дэрчу неоднократно спасал жизнь Арсеньеву. «Он положительно читал природу словно книгу»¹², — восторгался В. К. Арсеньев.

Именно во взаимодействии образованного русского путешественника-первопроходца — носителя городской цивилизации — и охотника-гольда — коренного жителя тайги — заложена динамика арсеньевского сюжета. Особенность творческого почерка В. К. Арсеньева — соединение научно достоверного и глубоко психологического материала. В результате произведение «Дерсу Узала», документальное в своей основе (исследовательские дневники), обретает художественный формат и становится литературным романом. В основе романа — универсальные по своему характеру

⁸ Возвращение Дерсу Узала. Владивосток, 2005. С. 57.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ *Арсеньев В. К.* Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток, 2007. Т. 1. С. 404.

¹² Там же. С. 47.

В. К. Арсеньев и Дерсу Узала (1906 г.)

смыслы (диалог человека и природы, человека и человека) — сюжеты, близкие и понятные людям разных времен, культур и возрастов. Не случайно этот роман стал знаковым произведением для коренных народов Дальнего Востока (нанайцев, удэгейцев, орочей). В образе Дерсу внешнему миру открывался благородный облик «лесных людей». На страницах романа демонстрировались яркие примеры взаимовыручки и дружбы представителей разных культур на основе общечеловеческих ценностей.

Фронтирный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева

Представляется возможным дополнить идеи, связанные с конструированием образа территории в творчестве В. К. Арсеньева, обратившись к так называемой фронтирной методологии исследования — через выделение и анализ особого фронтирного дискурса в его наследии. При анализе темы фронтира в произведениях В. К. Арсеньева методологически значимым является уточнение полного содержания самого термина «фронтирный дискурс». При этом особый интерес представляет рассмотрение связности понятий «дискурс» и «фронтир».

Наиболее полный анализ смысловой нагрузки понятия «дискурс» представлен в постструктуралистских исследованиях. Он позволяет заключить, что ключевым моментом содержания дискурса является идея определенного образа мышления, проявленного словесно (М. Фуко)¹³. Дискурс может рассматриваться как некая совокупность принятых в определенных социокультурных обстоятельствах способов говорения, а также совокупность действий, обусловленных этими способами. Согласно М. Фуко, любой дискурс является практикой, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят¹⁴. В дискурсах различным образом «снимаются» контуры объекта, продуцируются различные образы, схватывающие его отдельные черты. Применительно к изучению образа территорий, дискурсы являются не просто языком

¹³ См.: *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.

¹⁴ Там же. С. 50.

Оглавление

Введение	3
----------------	---

Приамурье и Приморье

Образы Приморья в творчестве В. К. Арсеньева	19
Сюжеты дальневосточной колонизации в наследии И. В. Кирилова	56
Исследовательские маршруты доктора Кирилова	60
Приморье в культурфильмах А. А. Литвинова	80
Лето среди орочей и гольдов: этнографический фотоальбом И. А. Лопатина	98

Камчатка

Камчатский альбом Б. И. Дыбовского	115
Ученый камчадал из страны вулканов. П. Т. Новограбленов	129
Архивные и современные репрезентации Камчатки в детских рисунках быстринских эвенков (по материалам архива Е. П. Орловой)	149
«Девушка с Камчатки» А. А. Литвинова: образ региона в художественном фильме	171

Сахалин

Чеховский Сахалин в творчестве фотографа И. И. Павловского	196
Фотоальбом И. Н. Краснова «Виды острова Сахалин»	212
Сахалинское фотонаследие Б. О. Пилсудского	218
«Русский Сахалин» П. И. Полевого	234
Кинодокументы по этнографии айнов в архивных и музейных коллекциях Сахалина	249
Заключение	264
Архивные источники	269
Литература	271
Список сокращений	294